

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

УДК 291.11

Е. А. КРУПОДЕРЯ

ВНЕКУЛЬТОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В БЕЛАРУСИ

Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь, e-mail: helen.24.09@mail.ru

Анализируются особенности распространения нетрадиционной религиозности как нового фактора в религиозной и социокультурной жизни белорусского общества. Определяется специфика идеологии и практики некультов, представлены оценки их деятельности и потенциала. На примерах внекультурной деятельности новых религиозных организаций рассматриваются социальная практика и ее значение как формата миссионерства.

Ключевые слова: новые религиозные движения, Беларусь, особенности распространения, внекультурная деятельность, социальные проекты.

A. A. KRUPADZERA

NON-CULT ACTIVITIES AND PECULIARITIES OF THE NEW RELIGIOUS MOVEMENTS EXPANSION IN BELARUS

*National Academy of Sciences of Belarus, state scientific institution «The Institute of Philosophy», Minsk, Belarus,
e-mail: helen.24.09@mail.ru*

Peculiarities of non-traditional religiosity expansion have been analyzed in the article. They are considered as a new factor in religious and socio-cultural life of Belarusian society. Specific features of ideology and practice in such new cults are defined. Simultaneously, assessments of their activity and potentials have been carried out. Social practice and its meaning as missionary form have been regarded on examples of some non-cult activities of the new religious organizations.

Keywords: new religious movements, Belarus, peculiarities of expansion, non-cult activity, social projects.

Введение. В сфере конфессиональных отношений на постсоветском пространстве одними из выразительных тенденций стали интенсивное появление и распространение новых форм религиозности, известных как «новые религиозные движения», «нетрадиционная религиозность», «новые религии», или «неокульты».

Обобщая большинство исследовательских подходов к данному феномену, можно сказать, что новая религиозность – это качественно новый (т. е. радикально отличающийся от исторически сложившихся, традиционных для данного общества религий) тип религиозности, характерный для современного этапа развития культуры [1]. «Нетрадиционность» означает не только привнесение религиозных комплексов извне, неукорененных в данной культуре, но и качественную новизну и изначальное противопоставление «традиционным» религиям в целом, обусловленное процессами глобализации и современного неорелигиозного творчества, предполагающего переосмысление традиций. При этом «нетрадиционность» проявляется как на мировоззренческом, религиозно-идеологическом уровне, так и в практической деятельности (включая культовую практику, следующую из объекта поклонения).

Советский и российский религиовед Е. Г. Балагушкин дает следующее определение этому феномену: «При всей разнородности состава нетрадиционных религий они все же представляют

собой единую категорию – типологическое явление иной религиозности, радикально отличающейся от традиционной для данного общества в рассматриваемый исторический период. Для них характерна интенсификация социальных функций религии, а часто и пропаганда новых социально-религиозных утопий обновленческой, оппозиционной либо альтернативной направленности, разработанных на основе радикально измененных (обычно нетрадиционных) вероучений» [2, с. 17].

Следует обратить внимание на то, что оценки новой религиозности даже в кругах религиоведов варьируются в широком диапазоне от критики до апологетики. В идеологии и практике неокультов исследователи выявляют как черты деструктивного характера, так и интегрирующие, компенсаторные функции, что с учетом эволюции и изменчивости новых религиозных движений обуславливает непрекращающуюся актуальность всестороннего изучения данного феномена.

Основная часть. В условиях идеологического кризиса и трансформационных процессов постсоветского периода истории стран СНГ, включая Республику Беларусь, разнообразные новые религиозные движения получили благоприятные возможности для развития, а востребованность представляемых ими религиозных идей и практик позволила составить серьезную альтернативу историческим формам религиозности.

Кризисные ситуации и коллизии новейшего времени, обострившие социально-психологическую напряженность и экзистенциальные проблемы в массовом сознании, способствовали оживлению эсхатологических настроений, мистических и религиозных чувств, изменению статуса и форм религии. На постсоветском пространстве роль религии в восстановлении социально-мировоззренческих ориентиров была особо актуализирована трансформационными процессами переходного общества. Кризис в социально-экономической сфере и усиление соответствующих негативов (рост преступности и коррупции, распространение наркомании и алкоголизма) отразились в социально-психологическом плане через востребованность иллюзорно-компенсаторной функции религии. После разрушения ценностно-идеологической системы, господствовавшей в советское время, в условиях духовного и мировоззренческого вакуума, многие люди в поисках надежных социальных и моральных ориентиров обратились к авторитету религии, а также опыту и поддержке религиозных организаций. Определенную роль сыграли присущие обществу переходного типа проявления морального кризиса и бездуховности, вызвавшие в качестве обратной реакции усиленную интенцию к восприятию духовно-нравственных, особенно религиозных, ценностей.

Возрождение религиозности и восстановление традиционных церковных институтов стали одними из основных тенденций духовной жизни постсоциалистических стран. Однако религиозный ренессанс был связан не только со стабилизацией традиционных конфессий, но и с активным ростом новых форм религиозности, отличающихся аморфным или эклектичным характером, акцентом на духовных практиках и выдвигании на первый план личного религиозного опыта. Формирующаяся конфессиональная ситуация во многом была обусловлена проблемным положением традиционных религий, только восстанавливающих свои институциональные структуры, влияние на верующих и духовно-культурный статус. А. И. Осипов подчеркивает, что культурно-формирующая, стабилизирующая и консолидирующая роль христианских традиций и ценностей была сведена к минимуму в советское время [3, с. 8–9]. В результате отсутствия у многих людей религиозного опыта от традиционных конфессий религиозно-психологическая компенсация и духовно-нравственная ориентация стали восприниматься от новых мировоззренческих систем, предлагаемых иностранными миссионерами и адептами новой религиозности.

Течениям «новой религиозности» свойственна определенная специфика идеологии и практики, не только отличающая их от традиционных религий, но и способствовавшая интенсивности их распространения. Так, необходимость учитывать мировоззренческий плюрализм, секуляризацию сознания и конкуренцию с другими течениями обусловила синкретичность вероучений и культовых практик новых религиозных движений, позволяющую некоторым из них предъявлять претензии на роль универсальной религии. Религиозные идеологии многих неокультов основываются на синтезе доктрин и символов западных и восточных религиозных систем (смешивая, например, христианское учение с концепциями кармы, реинкарнации, гуруизма и т. п.) и нередко

провозглашают принцип экуменизма в отношении объединения человечества в рамках одной религии. Культурная деятельность в новых религиозных движениях часто включает восточные религиозные практики, связанные с достижением измененных состояний сознания (медитации, мантры, воскурение благовоний, ритмика и т. д.).

Особенности новых религиозных движений также выражаются в альтернативности и/или радикализме их социальных проектов, абсолютизации их сотериологических программ, интенсивности религиозного опыта, экзотичности образа жизни последователей, часто предельно высокой степени включенности в религиозную организацию, международном масштабе деятельности. Кроме того, исследователи отмечают в инструментарии новых религиозных движений «весь арсенал современных средств манипуляции сознанием, самые безобидные из которых – навязчивая реклама и упрощения, что не входит в практику традиционных церквей» [4, с. 44]. В связи с этим можно подчеркнуть характерное для неоекультов активное миссионерство и широкий спектр внекультурной деятельности в его поддержку (финансовое обеспечение: сбор средств, производство и продажа предметов культа, собственные предприятия; издательская и рекламная деятельность, социальные проекты).

Такая специфика неоекультов не только аффицирует общественное мнение, но и обуславливает превалирующую негативную оценку не только конкретных деструктивных результатов их деятельности (фактов религиозного экстремизма и фанатизма, насилия, суицидов, финансовых махинаций и других инцидентов противоправного характера), но и духовного, а также социально-культурного влияния новой религиозности в целом.

Многие неоекульты представляют собой иерархизированные религиозные организации с харизматическими лидерами во главе, отличающиеся использованием психотехник для вовлечения, психологической обработки и контроля последователей. Негативные последствия психосоциального плана от их деятельности выражаются в различных манипуляциях индивидуальным и групповым сознанием, когда результатом подобной целенаправленной и систематической обработки могут быть деформация личности, следствие которой – религиозное отчуждение, т. е. потеря «личностной идентичности», а также десоциализация, аффективное поведение, психосоматические расстройства [5, с. 6; 6].

Многие исследователи считают негативным влияние неоекультов на сферу духовной культуры, традиций, ценностей, воспитания. По мнению белорусского религиоведа Е. С. Прокошиной, «рост неоекультных объединений в Беларуси с их чуждыми нашим традициям духовно-религиозными «принципами» и идеями «единобожия и единой религии» может дезинтегрировать поликонфессиональную ситуацию, неблагоприятно отразиться на социально-психологическом и религиозно-духовном климате общества» [7, с. 17]. В числе последствий деятельности неоекультов Е. С. Прокошина называет: внедрение оккультно-мистического восприятия мира; деформацию понятий Родины, гражданского долга, патриотизма; нивелирование конфессиональных различий и традиций, при котором размываются истоки и основы религиозно-культурных и национальных особенностей и самобытности народа; деформацию духовно-нравственных принципов и норм общежития и социализации личности, возможность вреда физическому и психическому здоровью членов неоекультных организаций. В результате данный религиовед делает следующее заключение: «если учесть характер и все аспекты их непродуктивного влияния, то напрашивается общий вывод о покушении неоекультов на безопасность государства, здоровье нации и ее будущее» [8, с. 38–39].

С другой стороны, некоторые исследователи отмечают конструктивные аспекты в функционировании новых религиозных движений. В частности, А. В. Гурко выделяет среди социальных функций новых религиозных движений адаптацию к происходящим переменам. Согласно его анализу, часть «новых религий» разрабатывает новые социальные модели, стремясь адаптировать устройство самого общества к изменениям среды; другая часть использует медитативные техники, направленные на адаптацию непосредственно индивида. На первом этапе своего распространения в Беларуси в условиях экономического, политического и идеологического кризиса, сопутствовавшего распаду СССР, некоторые новые религиозные организации в определенной степени выступили в роли структур, выполняющих интегрирующие функции, предлагая свои

собственные модели систем общественных отношений и объединяющих идеологий. Эти интенции особенно заметны в деятельности таких неокультов, как «Вера Бахаи», «Церковь Объединения», «Церковь Последнего Завета» и др. В период социальной нестабильности, ускорения ритма жизни, миллениаристских настроений, угрозы техногенных катастроф заметной стала также тенденция распространения мистических религий, в которых путем религиозной медитации и йоги последователями обретаются трансформированные уровни сознания. Эти состояния в определенной степени способствуют устранению последствий психологических травм, вызванных изменениями среды. Такие методики практикуют «Всемирный Духовный Университет Брахма Кумарис», «Международное Общество Сознания Кришны», «Центр Мира Шри Чин-моя», шайва-шактисты и др. [9, с. 248–249].

В целом можно выделить несколько путей распространения новой религиозности в Беларуси:

1) миссионерская деятельность граждан Беларуси, получивших религиозный опыт и посвящение за рубежом и ставших эмиссарами новых религиозных движений на родине (шайва-шактисты, Оомото);

2) формирование иностранными проповедниками местных групп и филиальных структур своих организаций («Международное Общество Сознания Кришны», «Брахма Кумарис», бахаи, «Церковь Объединения» и др.);

3) распространение учений, появившихся в период СССР (рерихианство, теософия), и возникновение местных неокультов на территории постсоветских стран («Церковь Виссариона», «Богородичный центр», «Белое Братство»);

4) развитие неоязычества в связи с геополитическими изменениями в регионе и поиском новой этнической идентичности.

Государственно-конфессиональная политика в начале 1990-х гг. благоприятствовала интенсивному распространению новых религиозных движений. Либеральное законодательство того периода (Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях» 1992 г.) предоставило широкую свободу для деятельности религиозных организаций, но не включило в себя правовой механизм контроля и защиты от возможных негативных последствий этой деятельности. Регулирование конфессиональных процессов начинается лишь во второй половине 1990-х гг.

Следует отметить, что многие новые религиозные движения начинали свое функционирование с регистрации в качестве общественных организаций либо создавали свои филиалы в форме таковых. Согласно исследованиям В. А. Мартиновича, руководителя Информационно-консультативного Центра им. Волоцкого, процессы возникновения и миграции новой религиозности начинаются еще до начала перестройки и распада СССР и постоянно протекают в Беларуси, в зависимости от особенностей политической ситуации. Значительные масштабы процесс распространения неокультов принимает в первой половине 1990-х гг., за это время в Беларуси появляются представители практически всех наиболее известных в мире крупных новых религиозных движений. Резкий спад в динамике численности с 1998 г. можно объяснить начавшейся в стране в этом году перерегистрацией всех общественных объединений, в процессе которой была прекращена деятельность ряда новых религиозных организаций и осложнен процесс регистрации новых групп [10, с. 131].

Тем не менее новые религиозные движения активно включились в конфессиональные процессы в постсоветских странах, при этом их деятельность отмечается активным использованием различных форм внекультовой практики: миссионерство в разных видах, издательская и социальная деятельность и даже попытки внедрения в государственные системы образования, здравоохранения, социальной защиты для оптимизации распространения своих идей и ценностей.

Деятельность миссионеров «Международного Общества Сознания Кришны» в Беларуси началась с открытия в Минске вегетарианского кафе, организации кампаний-фестивалей, выставок картин, выступлений в теле- и радиопередачах. Первоначальные группы также создавались на базе секций йоги и боевых искусств, кружков здоровья; в некоторые группы приходили люди, избавившиеся от наркотической зависимости через использование йогических методов.

Общины бахаи для распространения своего учения организовывали публичные мероприятия, сопровождаемые разрешением от местных властей и рекламой, – концерты, выставки картин, презентации, творческие мастерские, программы танцевальной группы, велопробеги. В рамках систематической внекультовой деятельности был создан специальный учебный центр, включающий курсы по духовному воспитанию детей и подростков, разработан проект семинаров «Мой Дом» для семейных групп, организован клуб любителей английского языка, летние и зимние школы, стали проводиться молодежные и женские конференции, а также благотворительные проекты, например, в Витебске создана организация самопомощи семьям алкоголиков.

Белорусский центр «Всемирного Духовного Университета Брахма Кумарис» позиционировал себя как общественную организацию, занимающуюся образовательной деятельностью, и был зарегистрирован в качестве таковой до 1999 г. При этом лекционные программы сопровождались атрибутикой, характерной для «новых религий»: совместные медитации, благовоения, медитативная музыка, освященная пища. Центр использовал технологию организации поддержки со стороны влиятельных лиц, приглашая гостей на специальные семинары в Индию.

Аналогичным образом действовала в Беларуси в 1990-е гг. еще одна организация индустриального происхождения – «Центр Мира» Шри Чинмоя. Его последователи сконцентрировались на секторе спорта и боевых искусств, привлекая новых членов и последователей через многочисленные секции и соревнования, а также концерты духовной музыки и выставки живописи основателя организации.

Представители «Церкви сайентологии» не выходили на официальную регистрацию, заявляя об оздоровительном, научно-исследовательском характере своей деятельности. В печати широко рекламировалась деятельность сайентологов и разработанная ими дианетика – наука о душевном здоровье. На протяжении 1990-х гг., а также в начале 2000-х гг. сайентологами были организованы курсы и семинары практически во всех крупных городах Беларуси с использованием эффективных методик вовлечения и удержания последователей [9, с. 98].

Одним из наиболее показательных примеров организованной и многовекторной активности в распространении религиозно-этических идей через социальную сферу является деятельность «Церкви Объединения», или «Движения Объединения» Сан Мен Муна. Данное религиозное движение известно популяризацией своих действий через широкий фронт общественных организаций образовательного, культурного, благотворительного, миротворческого характера, подотчетных семье основателя мунизма Сан Мен Муна. Центральными среди них являлись «Студенческая ассоциация по изучению Принципа» (CARP – английская аббревиатура), «Федерация семей за единение и мир во всем мире», «Федерация женщин за мир во всем мире», «Федерация молодежи за мир во всем мире», «Международный фонд образования». Исследователи отмечают с начала 1990-х гг. достаточно интенсивное распространение и рост числа приверженцев «Церкви Объединения» в постсоветских странах, чему в немалой степени способствовало выделение значительных финансовых средств для осуществления активных миссионерских действий, организации лекций и семинаров, создания широкой сети воспитательных и образовательных структур [11].

Филиалы вышеперечисленных мунитских организаций действовали и в Беларуси. Их деятельность, помимо собственно миссионерской, имела ярко выраженный социальный характер и проводилась по нескольким основным направлениям: образовательные мероприятия (семинары по лидерству, презентации курса религиозной этики, конференции, программы по пропаганде нравственного и здорового образа жизни); благотворительные акции (сбор средств на гуманитарные цели, работа с детскими домами, школами-интернатами, домами престарелых и больницами); культурные программы (концерты, фестивали, творческие вечера, спортивные проекты).

Социально-информационная стратегия «Движения Объединения» была ориентирована на работу с женщинами по вопросам брака и семьи; с молодежью – по теме воспитания и нравственности; с учащимися и сотрудниками школ – по введению религиозной этики и идеологии мунизма в государственную систему образования.

Специфика распространения «Церкви Объединения» в Беларуси заключалась в акценте внекультовой деятельности на сфере образования и воспитания. Активисты CARP выступали с лекциями о содержании учения Муна (т. н. «Принципа Объединения») и проводили семинары по

лидерству (также знакомящие участников с мунизмом) не только в специально открываемых образовательных центрах, но и в средних и высших учреждениях образования, на базе детских оздоровительных лагерей. Была развернута работа в школах и вузах, включающая презентации учителям и администрации мунитского курса «по морали и этике» «Мой мир и я», циклы лекций на темы нравственности и здорового образа жизни для учащихся и студентов. Одной из задач ставилась подготовка лидеров и активистов из молодежи, для чего открывались клубы «Чистой Любви» в школах, организовывались образовательные программы в студенческих городках и общежитиях университетов [5, с. 36–38].

На интенсивность распространения неокультов в Беларуси, особенно в начале 1990-х гг., повлияли пропагандировавшие их белорусские и российские средства массовой информации. Как отмечают исследователи, вовлечение в новые религиозные движения белорусских последователей с конца 1990 – начала 2000-х гг. все более интенсивно ведется через Интернет [9, с. 135].

Выводы. Таким образом, еще с конца 1980-х гг. в СССР, а затем на постсоветском пространстве, в т. ч. и в Беларуси, начали распространяться новые религиозные движения; некоторые из них (в основном неоязычество, учение «Живой Этики» Рерихов, «Церковь Виссариона») сформировались собственно на территории СССР, затем СНГ, но большинство было принесено иностранными миссионерами. В развитии новой религиозности в Беларуси можно выделить два основных этапа: 1) первая половина – середина 1990-х гг. – период организационного оформления, интенсивного распространения и свободной деятельности новых религиозных движений (некоторые из них получили открытую поддержку властей); 2) с конца 1990-х гг. – спад активности, уменьшение масштабов их распространения в связи с пересмотром государственной политики в их отношении и принятием ряда ограничительных мер. В настоящее время в Республике Беларусь в качестве официально зарегистрированных действуют только две новые религиозные организации: «Международное Общество Сознания Кришны» и Бахаи. Некоторые из новых религиозных движений распались и прекратили свое функционирование, но некоторые продолжают осуществлять свою религиозную деятельность нелегально либо под видом различных общественных объединений.

Особенностями распространения новых религиозных течений в Беларуси стали деятельность под видом общественных организаций, проведение религиозных семинаров и тренингов за пределами страны, активное использование СМИ и Интернета для самопрезентации и популяризации. Одной из характерных черт распространения новых религиозных движений, представляющих особую актуальность, является активное осуществление их деятельности во внекультовом формате, косвенное миссионерство и рекламирование через реализацию различных социальных проектов – образовательных, культурных, миротворческих, гуманитарных программ. Многие новые религиозные движения, концентрируясь на актуальных социальных и духовных проблемах, пытались привлечь внимание молодежи социально-пропагандистскими акциями и обеспечить ее дальнейшее участие в своих проектах. Однако подобные мероприятия могут быть обусловлены стремлением новых религиозных организаций распространять свои идеи и ценности, прикрывая их религиозное содержание обществоведческой и этической проблематикой. Кроме того, часто практикуемая адаптация культовых действий (религиозно-медитативных практик, пищевых ограничений, вербальных экзерсисов) под технологии духовного и физического оздоровления может оказывать неоднозначное психофизическое воздействие на реципиентов. Деятельность новых религиозных организаций, их перспективы и роль в социокультурном контексте необходимо рассматривать с разных сторон, что связано как с выполнением ими интегрирующих, адаптивных, компенсаторных функций религий, так и с возможным деструктивным потенциалом.

Список использованной литературы

1. Рыжов, Ю. В. *Ignoto Deo: Новая религиозность в культуре и искусстве* / Ю. В. Рыжов. – М.: Смысл, 2006. – 328 с.
2. Балагушкин, Е. Г. *Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ* / Е. Г. Балагушкин. – Ч. 1. – М.: ИФ РАН, 1999. – 244 с.
3. *Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси: пособие для рук. учреждений образования, педагогов, воспитателей* / сост. А. И. Осипов; под ред. А. И. Осипова. – Минск: Беларусь, 2000. – 255 с.

4. *Высоцкая, М. В.* Статус и перспективы НРД в социокультурном контексте / М. В. Высоцкая // *Вестн. МДУ імя Куляшова*. – 2000. – № 1. – С. 41–47.
5. *Дьяченко, О. В.* Религиозные организации «деструктивной» направленности в современной Беларуси / О. В. Дьяченко. – Могилев: УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2008. – 72 с.
6. *Скугаревская, Е. И., Скугаревский, О. А.* Психические последствия воздействия деструктивных культов. Феномен зависимости / Е. И. Скугаревская, О. А. Скугаревский // *Неокульты: «новые религии» века?* / Е. С. Прокошина [и др.]; под ред. А. С. Майхровича. – 3-е изд., доп. – Минск: Четыре четверти, 2000. – С. 101–108.
7. *Прокошина, Е. С.* Неокульты: характер духовно-психологического воздействия / Е. С. Прокошина // *Неокульты: идеология и практика* / Е. С. Прокошина [и др.]. – Минск: Четыре четверти, 2005. – С. 7–28.
8. *Прокошина, Е. С.* Причины, сущность и особенности нетрадиционной религиозности / Е. С. Прокошина // *Религия и общество-3: актуальные проблемы современного религиоведения: сб. науч. тр. / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко; М-во образования РБ; МГУ им. А. А. Кулешова*. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2008. – С. 35–40.
9. *Гурко, А. В.* Новые религии в Беларуси: генезис, эволюция, последователи / А. В. Гурко. – Минск: МИУ, 2006. – 276 с.
10. *Мартинovich, В. А.* Динамика нетрадиционной религиозности в современной Беларуси / В. А. Мартинovich // *Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Минск–Жировичи, 7 июня 2007 г.) / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск. Духовн. акад. им. Святого Кирилла Туровского; редкол.: протоиерей В. Антоник [и др.]*. – Минск: Беларус. наука, 2008. – С. 128–131.
11. *Кантеров, И. Я.* Триумфы и разочарования «новой духовности» / И. Я. Кантеров // *Центр религиоведческих исследований «РелигиоПолис»* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religiopolis.org/publications/624-triumfy-i-razocharovaniya-novoj-duhovnosti.html>. – Дата доступа: 20.03.2015.

Поступила в редакцию 06.07.2015